

ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ,

НЕЗНАКОМОЕ!

А. С. ПУШКИН

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

50 лет назад Коммунистический Союз Молодежи был осенен именем В. И. Ленина. Этой чести было удостоено поколение Павла Корчагина, которое на стремительном и грозном скаку вышибло из седла белогвардейцев и заговорщиков, разруху и голод.

Николай Островский рассказал миру о том, «как закалялась сталь» юных сердец в годы гражданской войны и в первые годы нашего мирного созидания. Владимир Маяковский, воспевая трудовую доблесть юности, провозгласил: «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым». Александр Фадеев сделал другом каждого сегодняшнего комсомольца ту «молодую гвардию рабочих и крестьян», которая обессмертила себя в годы Великой Отечественной.

Чему бы посвятили себя Олег Кошевой, Ульяна Громова, Иван Земнухов, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова и все их боевые товарищи, если бы жили они сегодня? Если бы вместе с нами встречали они XVII съезд комсомола? Чему сейчас служили бы их отвага, их мысль, их руки и сердца?

Я уверен, что эти юноши и девушки из легенды были бы в первых рядах строителей КАМАЗа или тружеников Тольятти; мы называли бы их имена среди тех, кто возводил Братскую ГЭС, добывает тюменскую нефть, кто в невиданно короткие сроки прокладывает новые железнодорожные магистрали, исследует земные недра, штурмует дальние дали космоса... И они вновь вошли бы в легенды, поэмы и песни.

Высокая оценка деятельности советской молодежи содержится в речи Л. И. Брежнева на XVII съезде ВЛКСМ: «Родина, партия верят в молодое поколение и жизнь показала: в любом деле на комсомол можно положиться!»

Трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб как-то сказал, что, разумеется, не каждый вступающий в жизнь человек станет покорителем космоса или летчиком-испытателем, но что черты, которые являются определяющими для людей этих профессий — отвага, ежесекундная готовность к подвигу, доскональное знание своего дела, — должны быть присущи всем молодым гражданам нашей страны. И эти высокие душевные качества в самом деле одухотворяют наш комсомол.

Широки крылья нашей советской юности! Они уносят ее в мир мечтаний и в мир свершения самых смелых и дерзновенных замыслов. Эти миры повсюду: в цехе и поле, на строительных лесах и спортивной арене, в концертном зале и научной лаборатории. И всегда юность неразлучна с романтикой. Она, эта романтика, не только в стихах и песнях...

Анатолий АЛЕКСИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Комсомольцы семидесятых годов, приветствующие свой съезд, и комсомолцы «ревуших сороковых» на сцене Центрального детского театра в музыкальной поэме «Молодая гвардия»... (фото Г. Копосова и А. Лидова).

На третьей звуковой странице песни О. Фельцмана и Р. Рождественского к этому спектаклю по пьесе А. Алексина исполняют И. Кобзон и В. Никулин.

ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Какое прекрасное, чистое, легкое сочетание слов: пушкинский день поэзии! Как оно естественно, подсказанное и оправданное всей нашей историей, всей бессмертной жизнью самого поэта.

Таким днем стало 6 июня — день рождения Пушкина. Хорошо, что он приходится на самое начало нашего северного лета и близок к дням летнего солнцестояния, самым длинным в году, когда

Одна зоря сменить другую
Спешит, дав ночи полчасца.

Обычай пушкинского дня поэзии заведен в 1967 году — в полувековой юбилей нашего общества и в сто шестьдесят восьмую годовщину со дня рождения поэта. И этот обычай навсегда останется всенародным праздником.

Есть особый, трогательный смысл в том, что этот день отмечается в пушкинском заповеднике Псковской области — в Михайловском, Тригорском, у Святогорского монастыря, где Пушкин нашел вечное упокоение. Там все полно для

нас священной памяти, связанной с жизнью и трудом Пушкина, с его тревогами, огорчениями, надеждами, любовью.

Замечателен благородный труд коллектива специалистов этого большого музея под открытым небом, истово, ревностно и вдохновенно несущих трудовую вахту по охране заповедных реалий природы и искусства. Все мы многим обязаны их самоотверженности.

Как же не вспомнить при этом человека, который возглавляет эту сложную работу, человека, полного жизненной энергии, легко несущего бремя лет и повседневной, если и не всеобщей, службы Пушкину! Я говорю о Семене Степановиче Гейченко, славном хранителе пушкинского заповедника, о седом, семидесятилетнем и вечно молодом энтузиасте, которого знают, чтут и сердечно любят многие тысячи людей, побывавших в тех краях и сразу, с первого же часа влюбившихся в него. И есть за что!

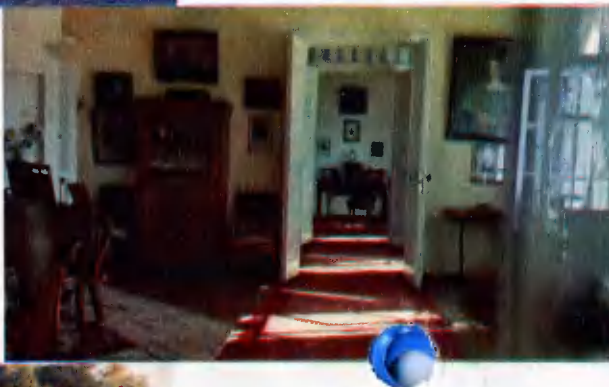
Стоит вспомнить его книгу «У лукоморья», в которой рассказано о том, о чем забыли и пушкинисты, и поэты, и при-

Здесь и далее по номеру
воспроизведены рисунки
А. С. Пушкина.

Памятные места
пушкинского музея-
заповедника:
аллея Керн,
кабинет Пушкина
в Михайловском,
дом няни,
дом Осиповых-Вульф
в Тригорском,
лестница Святогор-
ского монастыря,
по которой
проводили поэта
в последний путь.

сыжные любители старины. Это не «собрание глав полусмешных, полупечальных». Книга едина по своей духовной направленности, едина по интонации автора, будь она горестной, иронически сдержанной, праздничной, лирически одушевленной.

В феврале этого года мне посчастливилось провести несколько дней рядом с Семеном Степановичем, быть в его доме. Это было редкое по своему значению

визит и противоположное — чувство освобождения от жизненных стеснительных условий, желание полной свободы: «И я б заслушивался волн, и я глядел бы, счастья полн, в пустые небеса. И силен, волен был бы я, как вихорь, роющий поля, ломающий леса...»

И рядом с призывом к внутреннему освобождению Семен Гейченко поставил другое стихотворение Пушкина, написанное уже за два года до Черной речки, когда еще больше сгустились тучи над головой Пушкина, когда не мог он не ощущать безысходности своего положения в царской столице, под бдительным надзором полицейских и всего прочего, что так раздражало и мучило великого поэта.

Стихотворение это — «Странник». Речь идет о некоем проповеднике, который внезапно был охвачен «скорбью великой». Ему представилось, что близко время всеобщей расплаты за грехи, что «наш город пламени и ветрам обречен; он в угли и золу вдруг будет обращен, и мы погибнем все...». Эти мрачные предсказания непонятны домашним проповедника. От него многие отступились. Но смятенный человек продолжал настаивать на своем и, наконец, ушел из привычной обстановки, порвал с обществом себе подобных, то есть осуществил мечту самого Пушкина, высказанную в стихотворении о сумасшествии.

Семен Гейченко уверен в автобиографическом значении этих стихотворений, свидетельствующих о смуте в душе поэта незадолго до его трагического конца в 1837 году.

С той поры миновало 137 лет. А жизнь Пушкина, короткая, стремительно бурная, раскованная и рискованная, навсегда останется в народной памяти как праздничный выпел на штормовом ветру нашей великой истории.

событие в моей уже достаточно повидавшей жизни.

Как раз в день годовщины гибели Пушкина, 10 февраля сего года, в местном Доме культуры, вмещающем от силы триста человек, Семен Степанович сделал доклад, где нашлось место для очень важной гипотезы. Он напомнил о двух стихотворениях Пушкина. Оба они связаны с последними годами жизни поэта. Оба тревожны и сумрачны.

Первое написано за четыре года до Черной речки — «Не дай мне бог сойти с ума». Здесь рядом с естественной для здорового человека боязнью сумасшест-

С. ГЕЙЧЕНКО: Здесь, в Михайловском, как-то яснее думается о многом из того, что волнует человека сегодня. Пушкина роднит с нашим временем то, что он весь в движении, совершенствовании, в переключке с будущим. Воздействие Пушкина безгранично. Оно высоко житейское, оно нравственное, эстетическое. Каждому памятнику хочется сказать: посмотрите, ведь это все ваше. Эти цветы — они для вас, это птичье пение — оно для вас. Это все дает вам Пушкин.

На пятой звуковой странице, подготовленной специальными корреспондентами «Кругозора» Л. Закошанской и В. Толмачевой, — продолжение рассказа хранителя пушкинского Музея-заповедника С. С. Гейченко.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

БАХЧИСАРАЙ

...И друг степей калмык.

Передо мной земля Бахчисарая.
Навек застыли мраморные львы.
Спасть от солнца знойного желая,
Сажусь я под навес густой листвы.

Куда от чувства деться мне живого,
Но странного: мне кажется сейчас,
Что я здесь был, сюда пришел я снова,
Хотя я знаю — здесь я в первый раз.

Не чудо ли, что вспомнить я желаю
Все то, чего не видел никогда,
И все же многое припоминаю,
Как собственные детские года.

Припоминаю: вот на той полянке
Сидел он, Пушкин, и писал о ней,
О грустной полонянке, о славянке.
Которой ненавистен был Гирей.

Чтоб соприродные душе морские
Услышать бури, он скакал в Гурзуф.
И волны, как грядущее России,
Текли к нему, пространство распахнув.

А вечером, в кругу друзей пируя,
Он сам шумел, как моря пенный вал,
И, пламя слов сверкающих даруя,
Столетьям песни дивные слагал.

Перевел с калмыцкого С. Липкин

Петрусь БРОВКА,
народный поэт Белоруссии

Я с детства верил, что судьбою
Мне, как и всем, назначен срок
Свиданья первого с тобою,
Земли певучий уголок.

И вот иду я темным бором,
Стою над светлою водой,
Брожу по тропам, по которым
Бродил изгнанник молодой.

Все те же рощи, те же скаты,
Все те же взмахи птичьих крыл,
И тот же ветер, что когда-то
Его крылатку шевелил.

Стою под вековою сенью,
Как будто с ним наедине.
И нелегко решиться мне
Прочесть свое стихотворенье.

Пусть эти строки от души я
Сложил, но как звучат им тут,
Где Пушкин произнес впервые
Стихи, что нас глаголом жгут!

Вот отчего в минуту эту
Я суесловия страшусь
И просто кланяюсь поэту,
Как наказала Беларусь.

Перевел с белорусского
Яков Хелемский

Колау НАДИРАДЗЕ

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...

Какой она была?
Сквозь даль
Не различит черты ее
Воображение мое.

И кто она была,
Печаль
Земли моей родной ему
Донесшая? Ушли во тьму
Ее краса и нежный вид,
И только песня все звучит...
Та песня, что своей тоской
Тревожила его покой.
Какой она была? Какой?
Не различит черты ее
Воображение мое.
Ее, которой он внимал,
Чью грусть с ползвуча понимал
У холмов Грузии моей,
Тогда, давно, в тиши ночей.
Великий, изгнанный, внимал
И песнь другую вспоминал —
Туманный, горький берег свой
И горе женщины другой.

Не пой, красавица...
Сквозь даль
Не различит черты ее
Воображение мое.
Перевела с грузинского И. Снегова

ТАТЬЯНА МИЛАЯ ТАТЬЯНА..

Владимир Яхонтов писал о своей работе над «Евгением Онегиным»:

«Онегина» мы показали через десять лет после того, как он был сделан, — так долго путь от замысла к выполнению. Все эти годы роман в стихах как бы созрел во мне, я носил его с собой, не решаясь выпустить».

«Выпустил» в 1937 году, за восемь лет до собственной смерти.

До наших дней дошло всего несколько фрагментов яхонтовского «Онегина». Пленка хранится в фондах Московского радио, перед ее номером стоит буква «П», что означает перепись с пластинки. Ее осуществили в 1958 году. В том же году вышла и книга Яхонтова «Театр одного актера», где есть знаменитые строчки о пушкинской Татьяне:

«...Я люблю ее, как любил Татьяну Пушкин, — сожалею, горячо плачу над ее судьбой. Я восхищен ею, и это моя песня о ней. Сердце мое разрывается от горя, когда я произношу ее слова, ее, а не мои. Мое сердце художника, влюбленное в Татьяну, бьется, поет в ее монологе...»

На шестой звуковой странице — монолог Татьяны и сцена из «Бориса Годунова» в исполнении Владимира Яхонтова. На снимке: В. Н. Яхонтов выступает перед военными моряками.

...Тогда все певали романс «Черная шаль» — пушкинские стихи были положены на музыку молодым композитором Верстовским. Говорят, лучше всех — «с особенным выражением» — исполнял романс сам композитор. Аккомпанировал ему приятель его, поэт Грибоедов, тоже отменный музыкант.

В 1823 году Грибоедов, состоявший на дипломатической службе, приехал в отпуск с Кавказа, жил в родной Москве, трудился над знаменитой своей комедией; «в складчину» с Вяземским, другом Пушкина, придумал забавную оперу-водевиль в одном действии «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Музыка оперы-водевиля сочинял Верстовский.

«В красоте твоей музыки не сомневаюсь, — писал ему Грибоедов, — и зараннее поздравляю себя с нею...»

Был Верстовский смугл лицом, глаза имел черные, а взгляд огненный — видно, перенял внешность у бабки-турчанки: из покоренного Измаила привез дед его, екатерининский генерал, прекрасную пленницу.

Родители определили Верстовского в Петербургский институт корпуса инженеров путей сообщения, но пылкий юноша не пожелал отказаться от единственной своей страсти — душа его принадлежала музыке.

В родительском доме много музицировали. По завещанию отец оставлял наследникам «струнные и духовые инструменты: кларнеты, флейты-траверсы разных тонов, машинную валторну, гитару, пять гардированных скрипок, два альты, два виолончеля и контр бас... библиотеку печатных нот более 200 томов». Восемилетним мальчиком будущий композитор уже выступал в концертах. На нотах ранних сочинений Верстовского помечено: «На 10-м году его возраста».

Из инженерного института Верстовский был отчислен «для определения к другой должности». Увлечение театром легко ужилося в нем с музыкальным дарованием и дало направление его таланту. Он взялся за сочинение музыки к водевилям — преуспел, юность его, по свидетельству современника, «пронеслась... поведенью похвал и торжеств». В 1825 году назначенного надежды композитора назначили инспектором музыки московских театров Большого и Малого (вскоре

СТРАНИЦЫ

КЛАССИКИ

ИНСПЕКТОР МУЗЫКИ

он стал к тому же «инспектором репертуара»).

Верстовский — режиссер, Верстовский — администратор... Он сочинял оперы, куплеты, которые сделались, по словам композитора Серова, «кодексом водеvilной музыки», обрабатывал народные песни и писал собственные. Всякое утро он бывал на репетициях, всякий вечер на спектакле. Он проходил с актерами роли, не избегая при этом прочесть отрывок, показать нужное движение, спеть партию — да с какой силой чувства, с какой выразительностью, с каким огнем в каждой ноте и в каждом слове! «У вас, в театре, ламповщик и лампы

не зажжет без дозволения Верстовского», — шутили москвичи.

Он появлялся на репетиции и садился в поставленное для него на сцене кресло. И, будто новичок в театре, весь захваченный тем, что происходило на подмостках, он был не в силах удержаться от восклицаний, одобрительных или едких, от точных замечаний. Неверная нота, фальшь в голосе, в выражении тотчас вызвали бурную вспышку гнева; удачно исполненная ария, сцена — и все вокруг расцветало от его радостной улыбки. «Артисты, играя при Верстовском (а он бывал в театре каждый день), мало обращали внимания на рукоплескания публики, а ждали, что скажет он, придя в антракте на сцену», — вспоминал великий наш драматург Островский.

Лучшая и самая известная среди опер Верстовского — «Аскольдова могила». Газеты тех лет с гордостью сообщали, что ее знают не только в России, мотивы из этой оперы «частенько наигрывают шарманки Лондона, Парижа, Берлина и Вены». «Аскольдова могила» — совершеннейшая из опер доглинkinской поры. «Тут развернулось», — писал Серов, — все дарование композитора, призванного проложить русской музыке прямой путь к истинной народности».

Из сочинений Верстовского в его время пользовались успехом также «кантаты» — музыкальные театрализованные представления на стихи известных поэтов. Сочиняя «кантату» на слова пушкинского «Пира Петра Первого», Верстовский объяснял: «При сочинении кантаты «Пир Петра» я не терял из виду двух мыслей... Первая и начальная есть песня народная, принадлежащая времени Петра, «На матушке, на Неве-реке, молодой матрос корабли снастил». Эту песню я часто игрывал покойному Пушкину, и она приводила его в восторг. Вторая мысль на пире — «Преображенский марш», который едва ли не был и действительно разыгрывал на пирах Петра...»

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

На седьмой звуковой странице — стихи Пушкина «Черная шаль» и «Старый муж», положенные на музыку Верстовским, в исполнении

И. Козловского и В. Левко.

Так работают на сборке шин Н. Богатырев и его товарищи.
Фото Л. Лазарева

ЗАКОНОДАТЕЛИ

ПЯТИЛЕТКА: ГОДЫ И МИНУТЫ

Писать о Богатыреве приятно.

Человек богатырского сложения, хоть лепи с него былинного героя, он проявил и силу духа, и природную сметку, и старательность, показав цельность своей натуры. Личную пятилетку выполнил за год десять месяцев и десять дней, собрав 3 650 большегрузных шин.

Большегрузная шина — для автомобилей-силачей. «Одевают» ее, вертя на стальном барабане, слой за слоем в «браслеты» из прорезиненного корда, причем каждый слой должен быть подогнан без единой морщины или пузыря. Когда накладывается последний, вес шины достигает полтонны и больше. Работа тяжелая, горячая, руки всегда в движении, а то и ногой приходится помогать. Заняты на этой машине обычно двое рабочих.

Николай Богатырев встал к барабану один. Такой смелости подивились многие.

Очень устал в первые недели, даже вес скинул, как и в те дни, когда после армии пришел на завод. Но вес с непривычки сбрасывают все. А главное в деле шинника — осознание, что преодолеть перегрузки можно не только тренировкой, но и новыми приемами труда. Рекорд, во всяком случае, рождается не физическим напряжением, а новаторством. Как когда-то, в далекие тридцатые годы, Алексей Стаханов принял решение разделить труд забойщика и труд крепильщика, и за одну ночь в донбасской шахте родился рекорд, всколыхнувший всю страну...

Мысль вызрела, обрела техническое решение, наконец стала почином. Весь процесс Николай Богатырев, студент-заочник химического факультета университета, не раз проделал мысленно, прежде чем каждая операция, каждое движение сложились в удивительный итог.

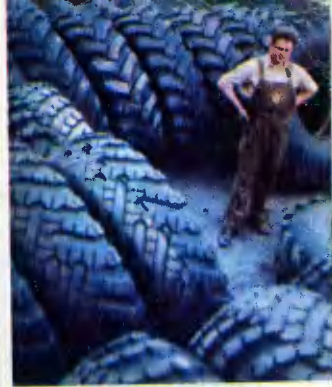
Чем ценен почин Богатырева, можно пояснить на таком примере.

Как-то корреспондент областного телевидения спросил у его теки, Николая Корчагина, не думает ли он стать богатыревецем.

— Росточком маловат, — отшутился Николай.

Ответ был нагляден, и корреспондент запомнил. Когда через полгода он увидел Корчагина на сборке уже одного, то разговор у них пошел серьезный — о мастерстве, о рабочем това-

НОРМЫ

риществе, о том, как Богатырев помог другим овладеть скоростными приемами сборки. Этот неутомимый журналист Николай Грязнов сделал, к слову сказать, немало для популяризации богатыревского почина, буквально хронометрируя рождение массового движения. В его доброй приверженности трудовой теме отчетливо видна жизненность традиции той самой рекордной ночи Алексея Стаханова, когда рядом с забойщиком находились парторг и газетчик. Через некоторое время Грязнов даст репортаж о том, как Николай Корчагин выполнил свою пятилетку, и убедительно прозвучит в эфире фраза нового богатыреца: «Я понял, что законодатели нормы — рабочие руки...»

Заработала «школа Богатырева». Здесь, в цехах Воронежского шинного, был проведен всесоюзный конкурс. Шинники из Омска, Днепропетровска, Бобруйска делились мастерством, перенимали опыт воронежца. Дело обретало союзный размах.

В цехе, где трудится Богатырев, вывешены цифры, показывающие, сколько рабочих и за какие сроки взялись досрочно выполнить девятую пятилетку. Среди тех, кто уже сдержал слово, милая женщина, сборщица велосипедных шин Неонила Алисова. Ценность героического примера Богатырева, Корчагина, Алисовой именно в том, что эти люди ускоряют ритм большого конвейера шинников страны.

В Воронеже рассказывают об опытном мастере, который, наблюдая за ходом соревнования, признался: «Я не знал, что такие резервы есть в моем цехе». Мастер говорил о резервах человеческой души, и это открытие фиксировало важный момент — превращение будничной работы в творчество. Такие мгновения, обогащая человека, делают его более требовательным к себе и другим.

Во время нашей встречи Богатырев был обеспокоен тем, что медленно внедряется новая технология. Об этом написал ему днепропетровец, работавший рядом с ним на всесоюзном конкурсе шинников. Как повлиять на администрацию завода? Коммунист Богатырев обратился за советом в партком...

Сам он взялся выполнить второе пятилетнее задание.

Е. СЕРАФИМОВ

«Рабочая гордость». Размышления Героя Социалистического Труда Н. Богатырева — на первой звуковой странице, подготовленной корреспондентом Всесоюзного радио Л. Максимовым.

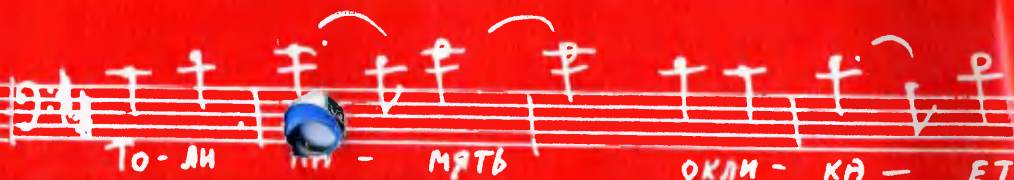
На фото слева: 1942 год — оборона Севастополя, морские пехотинцы идут в контратаку; 9 мая 1944 года — Севастополь освобожден!
На нижних снимках: разведчица Приморской армии Маша Байда с боевыми друзьями (июнь 1942 г.); заведующая севастопольским загсом Герой Советского Союза М. К. Байда (1974 г.).

ГОРОДА-ГЕРОИ

ГОРДОСТЬ РУССКИХ МОРЕЯКОВ

2

ровно за год до капитуляции фашистской Германии, 9 мая 1944 года, над Графской пристанью гро-
мыхнул салют из разнокалиберного стрелкового оружия, взвилось алое знамя, а рядом на древке под-
беде — освобождение родного Севастополя.

...В бухтах, где в военную пору 250 дней и ночей висел пороховой смрад, теперь пахнет рыбой. Город-
работяга, город — база военного, а ныне и рыболовного флота, начинает день корабельными склянками.
Поднимаясь к микровке Матросского клуба, звон склянок влетает в музыкальную фразу курантов
«Легендарный Севастополь, гордость русских моряков».

Перезвон плывет над куполом здания пианорамы «Оборона Севастополя», над памятником Ленину,
крышами новых микрорайонов...

Любоваться городом можно отовсюду. Но давайте посмотрим на Севастополь не с самой высокой его
точки, из скромного учреждения — загса. Посмотрим вместе с заведующей Марией Карповной Байдой.
Ее судьба слилась с жизнью города, как звуки склянок с боем курантов.

30 лет назад в чудом уцелевшем домишке была открыта регистрация новорожденных. В июне нынешне-
го года Мария Карповна готовится подписать свидетельство о рождении за № 100 000. Это равно чи-
сленности населения довоенного Севастополя. (Сегодня в городе под 300 тысяч жителей.)

Удивительная в общем-то должность у Марии Карповны: в строчках документов, скрепленных ее
подписью, заключена бывает вся жизнь человека — от первой до последней отметы.

Куранты отбивают два часа. В розовый зал входят жених и невеста. Мария Карповна напутствует
молодых, словно вручает ключи от счастья в новом для них, взрослом мире, где предстоит им жить —
работать, учиться, растить детей... Молодоженов поздравляют друзья, родители и почтальон. Не застав
адресатов дома, он принес поздравительные телеграммы сюда, в загс.

Мария Карповна вспоминает Капу Заруцкую, разносившую телеграммы в городе, не имевшем уже ни
одного точного адреса. А когда затонул в бухте прорвавший заслоны теплоход, она кричала вололазам:
«Там же еще почта должна быть!» И мешок с письмами достали из-под воды. Всю ночь Капе утюгом
сушила листочки, а утром доставила тем, кто ждал их не меньше, чем боеприпасы...

Севастополю посвящается... Новая песня «Кругозора» «Оживает все что было»
вместе с голосами истории — на второй звуковой странице.

После загса молодые по традиции идут к священным местам Севастополя. Малахов курган, Сапун-гора, Стена Героев... Юные ленинцы здесь впервые надевают алые галстуки, старшеклассники несут вахту почетного караула, молодые моряки принимают присягу.

Молодожены кладут цветы к подножию Стены Героев, на которой среди 54 имен — имя человека, только что скрепившего их семейный союз.

Вы видите снимок, присланный Марии Карповне уже после войны фронтовым товарищем. Она снята в день вручения кандидатской карточки рядом с батальонным комиссаром и старшим политруком. (Запомнилось: никак не получалась подпись на партийном документе — рука была забинтована.) А через три дня, 21 июня 1942 года, появился Указ о присвоении старшему сержанту Марии Байде звания Героя Советского Союза. Тогда ей было девятнадцать.

Мария Карповна вручает родителям свидетельство о рождении первенца. Потом осторожно берет ребенка руками матери и бабушки, бывшей медсестры и разведчицы. И вспоминаются строки наградного листа: «В схватке с врагом из автомата уничтожила 15 солдат и одного офицера, четырех солдат убила прикладом, отбила у фашистов командира и восемь раненых бойцов, захватила пулемет и автоматы противника». Всю группу вывела через заминированные колхозные сады: она тайком от начальства исползала их вдоль и поперек, еще когда медсестрой добывала там дикий чеснок для больных цингой.

Мария Карповна нежно смотрит на малыша: кем ты будешь, когда сменишь свидетельство о рождении на паспорт? Может, рабочим нашего прославленного Морского завода? Или моряком рыболовного флота? А может, займешь место среди тысяч студентов приборостроительного института? Или ищущая форму курсанта Высшего военно-морского училища?.. Кем бы ни стал в будущем, помни всегда: ты рожден в городе-герое, будь его достойным сыном!

Удивительная должность у Марии Карповны. Встречает она входящих в мир, напутствует юные семьи и отдает им, наследникам, славное прошлое, без которого не было бы будущего.

Валентин МАНИОН,
специальный корреспондент «Кругозора»

Интервью взято с корреспондентом «Кругозора» Винко Шале у ведущего тенора «Ла Скала» Лючано Паваротти накануне гастролей театра в Советском Союзе.

...До начала «Богемы» остается еще два часа, а нетерпеливая публика уже спешит к оперному театру.

В тот день в веронской «Арсене» собралось более 25 тысяч любителей музыки Пуччини. В центре внимания — тенор Лючано Паваротти.

Мы едва пробилась к нему за кулисы. Паваротти предстал перед нами в костюме поэта Рудольфа. На первый взгляд, он кажется не величайшим лирическим тенором мира, а чемпионом по борьбе в тяжелой весовой категории. Шутка ли: рост — один метр восемьдесят сантиметров и вес — 130 килограммов!

— Беру на себя смелость утверждать, что среди прославленных певцов у вас самая крупная фигура. Не мешает ли вам это при пении?

— Ничуть! Без этой «кубатуры» я не был бы Паваротти.

Уменьши я свой вес, чего доброго сломается и мой тенор. Надо сказать, что до 19 лет я был довольно худощавым, с утра до вечера играл в футбол, баскетбол, волейбол и мечтал о большой спортивной карьере.

— Каким же образом неизвестный спортсмен из Модены превратился в оперного тенора?

— «Лючано, оставь спорт, разве ты не чувствуешь, как звучит твой тенор? Твое будущее в опере, а не на стадионе!» —

сказал мне однажды мой отец-пекарь. Выпекая хлеб, он сам до сих пор напевает арии.

Дебютировал Лючано, исполнив партию Рудольфа в «Богеме» в 1966 году в Реджо-Эмилии, а уже в 1968 году оказался в той же самой роли на сцене миланской «Ла Скала».

Но до этого Лючано занимался в студии маэстро Этторе Кампаниани в Мантуе, у которого учились Рената Тебальди, Мирелла Фрей и меццо-сопрано Фиоренца Коссотто.

С детства Паваротти увлекался авиацией. И сейчас на вопрос, что его более всего успокаивает, отвечает:

— Полет в «Джамбо-джете» (сверхтяжелом пассажирском самолете). Высота — лекарство для моих нервов.

Сам же Паваротти — «король теноровых высот». Самые высокие ноты (даже выше знаменитого «верхнего до») он исполняет с такой же легкостью, с какой ребенок надувает мыльные пузыри.

— Я счастлив, что буду выступать в стране великих традиций и великого искусства, — сказал Паваротти о гастролях «Ла Скала» в Москве.

— Каким вы видите будущее оперы?

— Блестящим, когда великие голоса исполняют прекрасную музыку. Микрофонные певцы и электрические гитары никогда не затмят оперу...

На девятой звуковой странице вы услышите фрагменты оперы Г. Донизетти «Лючия ди Ламмермур». Поют Рената Скотто и Лючано Паваротти.

ГОСТИ МОСКВЫ

ВЫСОКАЯ НОТА

Одна биография в двух рассказах — лауреата Государственной премии композитора Валентина Левашова и заслуженной артистки РСФСР Александры Стрельченко.

В. Левашов: Невозможно остаться равнодушным, слушая выступление певицы Александры Стрельченко. Покоряет ее голос, отличающийся тембром необыкновенной красоты, силой и вместе с тем удивительной легкостью и теплотой. В программах ее концертов рядом с протяжной старинной «Бела зоренька» звучит задорная плясовая «Утушка луговая», рядом с историко-патриотической «Над Москвой зоря занималася» — лирическая «Сронила колечко»...

Путь Александры Стрельченко на сцену не был предreshен заранее, но и не случаен...

А. Стрельченко: Работала я воспитательницей в детском саду одного из поселков Днепропетровской области и училась заочно в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена. Приехала как-то на очередную сессию в Ленинград.

Смотрю — афиши: выступает Воронежский русский народный хор. Побежала на концерт. Это и был мой первый шаг к профессии певицы. Бросила все — работу, дом, друзей — и помчалась в Воронеж. И вот под руководством хормейстера В. Ефимова стала постигать тайну и восхитительную красоту русского хорового пения.

Стоишь в хоре и слышишь, как постепенно разрастается песня: сначала она — как ручеек, издали заводит ее высокий женский голос, потом к нему присоединяются голоса поярче, посочнее, и вот уже потекла песня широкая, полноводная, и в нее, как притоки, вливаются все новые и новые голоса... Стоишь поешь, и горло от счастья перехватывает.

В. Левашов: Стрельченко стала солисткой Липецкой филармонии. Обездила с концертной бригадой всю центральную Россию. Это дало ей возможность ближе, глубже узнать наш народ, понять его

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

родные напевы

чаяния и стремления, чтобы потом выразить их в песне.

А. Стрельченко: Уже был успех, но скорее успех популярных песен, которые я пела, нежели мой собственный. Я поняла, что нужно учиться. В это время, а шел 1964 год, в Москве открылась Всероссийская творческая мастерская эстрадного искусства. И я поступила в класс к народной артистке РСФСР Ирме Яунзем. Занятия с Ирмой Петровной дали мне очень много: выровнялся голос, расширился его диапазон, обогатился репертуар. На IX фестивале молодежи мира в Софии я получила высокое звание лауреата за исполнение русских песен.

В. Левашов: Стрельченко поет не только русские народные песни, но и песни русских композиторов. В ее программах постоянно произведения В. Кутузова, Г. Пономаренко, Е. Птичкина, С. Туликова, Д. Тухманова... И совершенно особое место занимают там песни из репертуара замечательной русской певицы Ольги Ковалевой.

А. Стрельченко: Как-то пришла я на радио записывать песни. Редактор, который со мной работал, предложил послушать песни О. В. Ковалевой. Они меня буквально перевернули. Так понравилась ковалевская манера пения — лирическая, осторожная, ласковая... Захотелось и самой попробовать спеть ее песни, но как-нибудь по-своему. Стала искать, как...

В. Левашов: Александра Стрельченко нашла свою манеру исполнения, и слушатель тотчас узнает ее голос. Популярность певицы подтверждается письмами, в большом количестве приходящими на радио и телевидение и обращенными прямо к ней. Вот одно письмо — от слушателя из Ленинграда: «Вы учились у незабываемой И. П. Яунзем, поете песни из репертуара О. В. Ковалевой, этой песенной чародейки, но Вас не упрекнушь в том, что Вы поете, как Яунзем или Ковалева. У Вас свое чувство песни, своя манера, свой голос...»

Фото А. Лидова

Один из самых замечательных прижизненных портретов Пушкина был создан Василием Андреевичем Тропининым весной 1827 года.

В ту пору Пушкин, лишь недавно приехавший в Москву из Михайловской ссылки, находился, по словам современника, «на высшей степени своей популярности»: его стихотворения, поэмы, первые главы «Евгения Онегина» были уже знакомы читателям; друзья поэта, присутствовавшие на чтениях «Бориса Годунова», с восторгом приняли его новую трагедию.

Пушкин жил тогда у своего ближайшего друга С. А. Соболевского на Собачьей площадке (в районе современной Композиторской улицы). Неподалеку, на Ленинке, снимал квартиру В. А. Тропинин; здесь же находилась и мастерская художника; в этой маленькой мастерской, где «постоянно господствовали простота, тишина и уважение к труду», позировал Тропинину Пушкин.

Дом на Ленинке сохранился (теперь дом № 3). Здание было построено еще в XVIII веке и значительно перестроено в 1870-х годах. В первой половине XIX века дом несколько раз переходил от одного владельца к другому: до 1806 года это владение принадлежало коллежскому советнику А. Ф. Грибоедову — дяде поэта, затем — А. М. Зимулину, с 1811 года — генералу И. Т. Спазину, с 1833 года — А. М. Писареву.

Василий Андреевич Тропинин жил здесь в течение многих лет. В прошлом крепостной графа Моркова, он был освобожден от крепостной неволи лишь в 1823 году, в возрасте сорока трех лет. «Постоянные преграды закалили в нем любовь к своему искусству, развили в нем молчаливое упорство в любимом деле. Лишь это упорство в соединении с колоссальной трудоспособностью позволило ему выбиться на свою дорогу, несмотря на деспотическую власть барина, — отмечается в исследовании о Тропинине. — Долгое подневольное пребывание при маленьком дворе графа внушило Тропинину жажду уединения и жизни простой и тихой, совершенно частной и независимой; отсюда такая любовь его к Москве, где всегда меньше чувствовался политический и административный гнет, где люди жили по-домашнему, нараспашку». Отклоняя все предложения официальной службы, Тропинин говорил: «Все я был под началом, да опять придется подчиняться: то Оленину, то тому, то другому... Нет, в Москву».

Вероятно, не случайно художник снимал квартиру именно в этом доме на Ленинке: из окон второго этажа, где находилась его небольшая, скромная квартира, открывался прекрасный вид на Кремль. В известном автопортрете 1846 года Тропинин изобразил себя у открытого окна мастерской, в котором видна Троицкая башня и стены Кремля.

Первые сведения о тропининском портрете Пушкина появились в июньском но-

Нина Волович,
старший научный сотрудник
Государственного музея А. С. Пушкина,
закончила книгу
«Края Москвы, края родные».
В ней рассказывается
о пушкинских местах Москвы
и Подмосковья, о друзьях
и знакомых Пушкина,
о его творческих замыслах,
возникших
и осуществленных в Москве.
Мы публикуем отрывок из этой книги.

СУДЬБА ПОРТРЕТА

мере «Московского телеграфа», издававшегося Николаем Полевым. В редакционной заметке сообщалось, что «русский живописец Тропинин недавно окончил портрет Пушкина. Пушкин изображен в халате, сидящий подле столика. Сходство портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиономия Пушкина, столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, — вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие». Заметка заканчивалась похвалой Тропинину: автор причислял художника «к числу тех артистов, которые делают честь отечеству своими необыкновенными талантами».

Портрет Пушкина был написан Тропининым по заказу самого поэта для С. А. Соболевского. Об этом дважды писал сам Сергей Александрович. В 1868 году он сообщал М. П. Погодину: «Портрет Александр Сергеевич заказал Тропинину для меня и подарил мне его на память в золоченой великолепной рамке». М. П. Погодин воспользовался сведениями о тропининском портрете Пушкина, присланными ему Соболевским, для своей статьи, опубликованной в газете «Русский». В этой статье Погодина сообщалось о выставке портретов, устроенной Обществом любителей художеств, на которой впервые демонстрировался тропининский портрет Пушкина. Говоря о портрете, Погодин, однако, приписал заказ его самому Соболевскому; этим обстоятельством и было вызвано второе письмо Сергея Александровича к Погодину: «Ватюшка Михаил Петрович — генерал, а повираете не хуже нашего брата, обер-офицера! — так начиналось это письмо, в котором С. А. Соболевский снова пытался восстановить истину. — Портрет Тропинину заказал сам Пушкин тайком и поднес мне его в виде сюрприза с разными фарсами (стоял он ему 350 руб.)».

С легкой руки М. П. Погодина искаженная версия о возникновении портрета прочно вошла в литературу. Она была повторена в заметке Н. В. Берга в «Русском архиве» за 1871 год: «Соболевский был недоволен пригласенными и припомощенными портретами Пушкина, какие тогда появлялись. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он просил Тропинина, одного из лучших тогдашних портретистов Москвы, если только не России, нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце одной руки».

Дальнейшая судьба тропининского портрета оказалась сложной и запутанной. Предполагалось, что портрет будет показан публике на очередной академической выставке, однако, так и не попав на выставку, портрет вдруг исчез; вокруг его пропажи сплетается легенда.

Все, что было известно о судьбе портрета самому Соболевскому, изложил он в упомянутом уже письме Погодину 1868 года: «Уезжая за границу, я оставил этот портрет одному приятелю (И. В. Киреевскому), имевшему собственный дом.

Приятель давал его крепостному чьему-то маляру (не знаю имени маляра или имени его хозяина) для добывания копиями барышей (сей маляр жил до моего отъезда у Шевырева). По возвращении моем из-за границы (где я провел 5 лет) оказалось:

1) Что приятель дом продал, а портрет и библиотеку (далеко не всю) передал другому приятелю, который между тем завел своим домком (Шевырев).

2) Но тут очутилось, что в великолепной рамке был уже не подлинный портрет, а скверная копия с оного, которую я и бросил в окно.

О том, кто дал зевка, Киреевский или Шевырев, — следы пропали.

Между тем подлинник нашелся у кн. Оболенского, который купил его за 50 руб. у Вардина, известного плута и мошенника. Осталась у меня только очень уменьшенная копия, сделанная для меня Авдотьей Петровной Елагиной для того, чтобы иметь возможность возить оную с собою за границей».

Сообщая все это Погодину, Соболевский настоятельно просил его при публикации не называть «собственных подчеркнутых имен».

Подлинный тропининский портрет, в 1850-х годах неожиданно появившийся в Москве, в антикварной лавке, был приобретен князем Оболенским, директором Московского архива министерства иностранных дел. Портрет был показан Тропинину. Старый художник рассказывал об этом так: «И тут-то я в первый раз увидел собственной моей кисти портрет Пушкина после пропажи и увидел его не без сильного волнения в разных отношениях: он напомнил мне часы, которые я провел глаз на глаз с великим нашим поэтом, напомнил мне мое молодое время, а между тем я чуть не плакал, видя, как портрет испорчен, как он растрескался и как пострадал, вероятно, ваяясь где-нибудь в сыром чулане или сарае. Князь Оболенский просил меня подновить его, но я не согласился на это, говоря, что не смею трогать черты, наложенные с натуры и притом молодой рукой, а если, де, вам угодно, я его вычищу, и вычистил».

В 1909 году Третьяковская галерея приобрела портрет у потомков М. А. Оболенского; ныне портрет экспонируется во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

В приведенном выше письме С. А. Соболевского М. П. Погодину речь идет еще о двух портретах Пушкина, кроме подлинного, тропининского. Упоминаемая в письме «скверная копия», которую Соболевский «бросил в окно», не пропала: внучка А. П. Елагиной (матери И. В. Киреевского) М. В. Безр передала ее в Русский музей, откуда этот портрет поступил в Пушкинский дом Академии наук в Ленинграде. «Уменьшенная копия», сделанная А. П. Елагиной для С. А. Соболевского, находится в экспозиции Государственного музея А. С. Пушкина в Москве.

Наконец, необходимо сказать еще и о сохранившихся подготовительных этюдах к тропининскому портрету: во Всесоюзном музее А. С. Пушкина хранятся рисунок итальянским карандашом (см. иллюстрацию) и эскиз маслом. Рисунок «дает уже почти сложившуюся композицию... Лицо намечено широкими мазками и рефлексами, но вполне закончено. Оно несколько отличается от редакции самого портрета, но все характерное, вплоть до распределения света в нем, уже установилось». В масляном эскизе, выполненном, очевидно, после рисунка, «в чертах лица сделан еще шаг по пути к портрету»: «лоб, ослабленные брови, изгиб носа, продолженность бак под подбородком» здесь ближе к портрету, чем в рисунке.

Дважды театр «Ромэн» обращался к творчеству Пушкина. «Цыгань» шли и в тридцатые годы и в сороковые. Но воссоздать на сцене образ самого поэта мы не решались до последнего времени. К такому спектаклю театр должен быть готов по общему уровню своего мастерства, нужно иметь и актера, которому была бы посвящена роль Пушкина.

Мы познакомились с А. И. Гессеном, одним из старейших пушкинщиков, в удачный для театра период. И наши замыслы совпали. В последнее время многие пьесы о Пушкине строились однопроблемно — «поэт и царь», «поэтисамодержавие». Нам же хотелось не только рассказать о том, что было поэту враждебно, но главным образом показать то, что его вдохновляло и питало: Пушкин и Россия. Пушкин и народ, народная песня, а значит, и цыганская песня, — Пушкин и цыгане.

Так родилась идея пьесы «Здравствуй, Пушкин!», которую Гессен написал в соавторстве с одним из основателей нашего театра, его старейшим актером, профессиональным драматургом и музыкантом Иваном Ивановичем Ром-Лебедевым.

Существует легенда о том, как однажды под Лугой юная цыганка гадала Пушкину. И славу она предсказала ему и любовь, но предостерегла: бойся зависти. Было заманчиво начать этой картиной спектакль, но мы отказались от нее, решив ориентироваться на факты более достоверные. Документальность стала принципом нашей работы, и ее надо было выдерживать во всех ипостасях, в том числе и в музыке.

Во многих источниках упоминается о том, что за два дня до свадьбы Пушкин был у Нащокина. Жена Нащокина, Ольга Андреевна, дружила с цыганкой Таней. Именно Таня тогда спела ему: «Ах, матушка, что так во поле пыльно!»

Романс «Слышишь, разумеешь» тоже относился к тому времени. О нем упоминает Толстой в повести «Два гусара».

Конечно, нам во что бы то ни стало хотелось разыскать песни, которые слышал Пушкин или хотя бы мог слышать. В Музее музыкальной культуры И. И. Ром-Лебедеву и композитору Шандору Каллошу предложили посмотреть песенный сборник Ивана Прача. Это был первый сборник русской народной песни с нотным изображением. Помню, как на одну из репетиций Ром-Лебедев пришел, чтобы сообщить нечто важное. В работе нашей к этому времени уже были видны какие-то успехи. Нам нравились декорации Сергея Бархина, придуманный им овал на заднем плане, в котором, как в рамке, должны будут возникать картины Петербурга, молдавского села, Михайловского, Москвы. Закончил эскизы костюмов и известный московский модельер Вячеслав Зайцев (нам удалось его привлечь к работе над спектаклем). И вот Иван Иванович говорит нам, что в сборнике Прача есть одна музыкальная фраза песни «Ах, матушка, что так во поле пыльно!». Он был очень доволен этой находкой. Вторую же часть песни дописал Каллош.

Романс «Слышишь, разумеешь» был найден позже в рукописном сборнике, а романс «Милый друг, поспеши», упоминаемый цыганкой Таней, найти нигде не удалось.

Сложной оказалась и работа балетмейстера Мансура Камалетдинова: о характере танцев цыган того времени не сохранилось никаких данных. И тут нам могли помочь старейшины нашего театра, помнящие еще что-то из времен детства.

Веками сложилось так, что цыгане в России могли проявлять себя творчески, только выступая в хорах при ресторанах. Свою художническую жизнь в хоре ресторана «Стрельня» начинали детьми Иван Иванович Ром-Лебедев и его сестра Сантина Ивановна Андреева-Лебедева. Зная танцы начала века, они могли представить себе городской цыганский танец и более раннего времени.

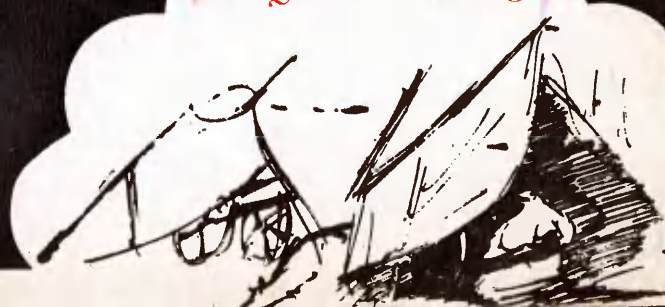
Вообще проблема передачи фольклорного начала от поколения к поколению очень любопытна для нашего театра. Когда готовили эпизод в трактире Глазова на Грузинах, Сантина Ивановна вспомнила песню, которая кочевала из ресторана в ресторан: «Расскажите, где вы были...». Эту песню цыгане пели в конце, намекая гостям, что пора расходиться. Николай Эрденко начал ее репетировать с хором, но Сантина Ивановна, услышав, как молодые поют, очень эмоционально запротестовала. Для тех лет была характерна иная манера исполнения, хор перенял ее, и песня звучит на сцене в подлинном виде.

Спектакль «Здравствуй, Пушкин!» театр готовил год. Год актер Борис Ташкентский работал над ролью Пушкина, будущий и режиссером спектакля. На одной из последних репетиций, еще без грима и костюмов, Ташкентский в какой-то момент сделался настолько достоверным и портретно похожим на Пушкина, что актеры, играющие с ним рядом, именно так и начали его воспринимать. Происходили вещи, не виданные мной как режиссером никогда раньше. Между артистами, занятыми в сцене бессарабских цыган, и актером, играющим Пушкина, стала возникать система отношений, очевидно, существовавшая когда-то между цыганами бессарабского табора и великим поэтом. Настроение этой репетиции убедило меня в том, что работа подходит к концу. Можно было начинать думать и о дне премьеры.

С. БАРКАН,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
главный режиссер театра «Ромэн»
Фото А. Лидова

На восьмой звуковой странице — песни, которые мог слышать Пушкин. Исполняют артисты театра «Ромэн».

ТЕАТР «КРУГОЗОР»
НА СЦЕНЕ ПУШКИН

Когда в один из вечеров 1967 года в маленьком кафе «Колорин Колорадо» в Сантьяго начал выступление ансамбль «Килапайон», нечто необычное почувствовалось уже с самых первых чрезвычайно чистых нот индейской флейты — кены. Вслушиваясь в идеальное сочетание голосов, в ажурное переплетение звуков гитар, чаранго и флейт, в ритмичный перестук барабана — легуэро, мы с интересом рассматривали фигуры музыкантов, весьма внушительных в своих длинных черных пончо.

«Кила», как его ласково называют чилийцы, с самого начала находился под влиянием человека, в котором счастливо соединялось знание фольклора с талантом артиста и режиссера. Это был Виктор Хара, ярчайшая фигура всего движения «новая чилийская песня». Главная заслуга в выработке оригинального стиля «Килапайона» — как музыкального, так и сценического — в подборе репертуара ансамбля, безусловно, принадлежит ему. Этим я вовсе не хочу умалять роль руководителя коллектива Эдуардо Карраско, который ради музыки забросил занятия философией. «Килапайон» сумел так построить свой репертуар, что в нем традиции крестьянского фольклора сочетаются с современными ритмами.

Поеющим сердцем свободной Чили хотелось бы мне назвать этот ансамбль. Им гордились, ему подражали. В стране появились ансамбли, которые назывались «Килапайон» № 2, № 3... А слава «Килапайона» № 1 продолжала расти. Ансамбль мог

ИЗ ПЕСЕННОЙ ЛЕТОПИСИ РАБОЧЕГО КЛАССА

„КИЛАПАЙОН“ СРАЖАЕТСЯ

исполнить кузку и зажигательную кубинскую мелодию, он умел воспеть героический Вьетнам и разоблачить в едких куплетах «мумий» — противников Народного единства.

Сейчас, находясь вне родины, наш «Кила» продолжает петь и бороться во имя подлинно народной Чили, терзаемой фашистской хунтой. Его песни раздаются то в одном, то в другом уголке Европы, становясь символом антифашистского сопротивления, призывая к солидарности.

Хосе Мигель ВАРАС,
чилийский писатель

На четвертой звуковой странице — гимн трудящихся Чили «Венсеремос», «Марш труда», а также песня-памфлет, которую исполняет с ансамблем «Килапайон» Виктор Хара. Ведет страницу журналист Игорь Кудрин.

кругозор

6 (123) июнь 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки
рисунок художника
М. Ромадина.

Сдано в набор
29. IV. 1974 г.
Б 04907 Подп. к печ.
16. V. 1974 г.
Формат 60х84 1/12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2168 Цена 1 руб.

Звуковые страницы
отовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865. Москва, А-47,
ГСП. ул. «Правды», 24.

слушайте

в

номере

1. **Мой труд — моя гордость.** Говорит Герой Социалистического Труда Николай Богатырев.
2. **Вечный огонь Севастополя.** Голоса истории и новая песня Л. Приса и П. Панченко (поет И. Кобзон).
3. **Нынешним ровесникам молодого гвардейцев.** Музыка О. Фельцмана, стихи Р. Рождественского.
4. **Ансамбль «Килапайон» (Чили):** «Венсеремос», «Марш труда» и песня-памфлет (солист Виктор Хара).
- *К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина*
5. **В заповедном Михайловском.** Рассказывает С. С. Гейченко.
6. **«Евгений Онегин» и «Борис Годунов»** в театре Владимира Яхонтова.
7. **Романсы А. Верстовского** на стихи Пушкина.
8. **Песни из спектакля «Здравствуй, Пушкин!».**
-
9. **Лючано Паваротти и Ренато Скотто** в опере Г. Доницетти.
10. **Поэт Александра Стрельченко:** «Мы с родняшенской стальной» и «У меня, Марины».
11. **Жан Габен и Рей Вентура** с ансамблем «Коллеги» (Франция).
12. **Рей Чарльз (США):** «С добрым утром, дорогая» (Ньюбери), «Твоя любовь» (Эрвин, Лове).

Главный редактор С. Н. ЕСИН
Редакционная коллегия: И. Д. КАЗАКОВА,
Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер),
Б. Л. ТИХОНОЧЕНКО (зам. главного редактора),
Г. М. ШЕРГОВА
Технический редактор Л. Е. Петрова.

Адрес редакции:

Москва, Пушкинская ул., 23/8

В КОЛЛЕКЦИЮ РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

Жизнь одного из важнейших для культуры человечества изобретений началась вечером 18 июля 1877 года с приветливого слова «Хейлро!» Его прокричал в рупор Томас Алва Эдисон, когда перенесла звуковые колебания на цилиндр, и через несколько мгновений изобретатель услышал это слово в несколько измененном виде — тихий и застенчивый.

Машина впервые воспроизвела речь человека. Великий изобретатель, очевидно, понимал, какие перспективы открывает этот небольшой аппарат.

Однако многие его современники не только не пришли к поздравлениям, но и публично заявили о возможных ужасных последствиях звукозаписи. Исполнители стали опасаться конкуренции пластинок. Что касается дельцов «рулона», то бизнесмены, с удовольствием прослушав запись песенки «После танцев», изумлялись, но совсем не горючили поночь энтузиастам нового изобретения.

Среди тех, кто безгранично верил в большое будущее звукозаписи, были два француза — братья Эмиль и Шарль Пате (им обязано своим происхождением одно из новых слов нашего века — «патефон»). В 1897 году они основали завод по производству граммофонов и пластинок, со временем превратившийся в одну из баз французской фирмы «Пате-Маркони». В наши дни он производит десятки миллионов пластинок в год. Среди них — записи блестящих советских исполнителей и видных композиторов — Дмитрия Шостаковича, Тихона Хренникова, Дмитрия Кабалевского...

Самые популярные этикетки на пластинках фирмы — галльский петух и знаменитое изображение собаки, слушающей голос своего хозяина, доносящийся из граммофона (на фото в центре). Последняя эмблема имеет свою историю и заслуживает особенного внимания.

Однажды художник Франсис Барро запечатлел на своей картине трогательную

ИЗ ПОД ИГЛЫ ПАТЕФОНА

На одиннадцатой звуковой странице две записи из юбилейного альбома «Пате-Маркони»: вальс в исполнении молодого Жана Габена (фото внизу) и шуточная песенка «Все хорошо, прекрасная маркиза» в исполнении Рев Вентуры и ансамбля «Коллегю».

Комментарий от
народный артист СССР Людмила Улицкая

сценку: его фокстерьер Ниппер внимательно слушал граммофон. Картину художника первой купила одна из английских граммофонных фирм, впоследствии объединившаяся с «Пате». Как писал исследователь, картина Барро, размноженная на миллионах пластинок, «безусловно, стала одной из самых известных произведений живописи последних ста лет». Сюжет картины фотографически воспроизвел галлималайки Криса (фото вверху), знаменитый полярный исследователь Роберт Скотт, который взял граммофон в числе необходимых предметов в свою антарктическую экспедицию девятьсот-десятого года.

С тех далеких лет звукозапись прошла колоссальный путь от фонографа Эдисона до стереофонических устройств, от первых патефонов с надписью «Внимание! Скорость — 70 оборотов. Каждый оборот больше или меньше меняет тональность» — до исследований в области видеопластинок, сочетающих звуковое и зрительное воспроизведение.

Недавно парижский центр объединенного предприятия грамзаписей «ЕМИ-Пате-Маркони», отмечая 75-летие фирмы, издал альбом лучших записей. Художественный директор Питер деи Йонг любезно разрешил воспроизвести их по нашей выбору на звуковых страницах «Кругозора».

Специалистам пришлось проделать колоссальную работу, прежде всего с технической точки зрения, чтобы восстановить многие уникальные записи. Набор открывается пластинкой, напевой Энрико Каруо в миланской «Гранд-отеле» 11 апреля 1902 года. В альбоме четыре долгоиграющие пластинки. Насколько тщательно отбиралась коллекция, можно судить по тому, что каждый выходящий исполнитель представлен только одной записью. Кроме лучших исполнителей классической музыки, здесь много звезд французской и зарубежной эстрады — от начала века до наших дней.

М. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

Уже много лет имя Рея Чарльза неизменно занимает одно из первых мест в списке самых популярных певцов Америки. Негритянский музыкант необычайно одарен — певец, блестящий пианист, саксофонист, руководитель оркестра, композитор и аранжировщик. Один американский критик назвал его «гигантом эстрады». Но чаще Рей Чарльза называют «певцом простой Америки».

Сейчас, когда Рей Чарльз находится в зените популярности, даже трудно себе представить, насколько тяжелым был его путь к эстраде. Он родился в штате Джорджия, на юге США, 23 сентября 1930 года. Когда ему было шесть лет, он потерял зрение. И все-таки с ранних лет ему пришлось трудиться, зарабатывать себе на хлеб. Его тянуло к музыке — и тут помогли и яркие природные данные, и сила воли, и умение упорно работать. Он начал выступать как пианист в оркестрах штата, сумел создать собственный ансамбль, аккомпанировавший певице Рут Браун.

Первая пластинка самого Чарльза-певца выходит в 1957 году и мгновенно становится популярной не только в США. Манера его исполнения часто характеризуется как «ритм и блюз». Этим подчеркивается близость певца к народной основе — богатейшим негритянским блюзам. Исполнение его всегда продумано во всех деталях, включая тончайшие нюансы инструментовки. Все фортепианные соло он исполняет сам.

Рей Чарльз — непримиримый и последовательный борец за гражданские права негритянского населения Америки. Он был другом Мартина Лютера Кинга. Певец не стоит в стороне от острых социальных и политических проблем времени, его голос был с теми, кто требовал прекращения войны во Вьетнаме.

Как-то Рей Чарльз сказал: «Проблема успеха, конечно, волнует каждого музыканта. Но если делаешь то, что тебе подсказывает сердце, то тогда нечего бояться будущего». Честность, мужество, трудолюбие и, конечно, большой талант принесли негритянскому певцу и пианисту заслуженное признание.

М. БОРИСОВ

РЕЙ ЧАРЛЬЗ

Цена 1 руб.